

«В суперсложных делах я участвую лично»

30.04.2021

ИНТЕРВЬЮ

ПРЕТЕНЗИОННО-ИСКОВАЯ РАБОТА

СУДИТЬСЯ НЕЛЬЗЯ ДОГОВОРИТЬСЯ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

Legal Insight

Владимир Прохоренко, заместитель директора по правовым вопросам - начальник департамента правового обеспечения «Системного оператора Единой энергетической системы»

Владимир Прохоренко, заместитель директора по правовым вопросам — начальник департамента правового обеспечения «Системного оператора Единой энергетической системы», рассказал о том, как устроена претензионно-исковая работа в очень необычной компании – особом субъекте электроэнергетики, с каким объемом судебных исков в год сталкиваются сотрудники возглавляемого им департамента и почему благодаря судебной работе пропасть между юристами – технологами, специализирующимися на отраслевом законодательстве, и юристами, занимающимися общеправовыми вопросами, стала сокращаться.

Forward Legal

Адвокатское бюро Forward Legal образовано в 2014 году в Москве и объединяет более 30

адвокатов и юристов. Партнеры бюро работают на юридическом рынке с 2001 года. Юристы Forward Legal специализируются на разрешении сложных судебных споров, а также проектах, исход которых определяют победы в суде: банкротствах, корпоративных конфликтах, приобретениях и реструктуризации проблемных активов. Клиенты бюро – средний и крупный российский и зарубежный бизнес, предприниматели, состоятельные люди, в том числе Сбербанк, Газпромбанк, UniCredit, A1, Акрон, S7 Airlines, X5 Retail Group, Вымпелком, ПИК, МИЦ, Ингеоком, ОГК-2, Saint Global, Международный олимпийский комитет. Подробнее: <https://forwardlegal.com/>

– Расскажите, пожалуйста, о задачах, которые стоят перед юристами вашей компании. Что отличает «Системного оператора ЕЭС» от других субъектов рынка электроэнергетики?

– Мы – огромная компания в плане значения и нашей роли в электроэнергетике, но небольшая, если ориентироваться на количество судов. Зато суды у нас часто такие, что могут сформировать практику на годы вперед. «Системный оператор ЕЭС» – ключевой субъект в электроэнергетике, который управляет энергетическим режимом работы энергосистемы всей страны в целом. Поскольку электрическую энергию невозможно складировать, нужно постоянно поддерживать баланс производства и потребления. Вырабатываемой электроэнергии должно быть ровно столько, сколько необходимо для потребления всеми энергопринимающими устройствами. Любое нарушение этого баланса приводит к нарушению работы энергосистемы и передача электричества в такой ситуации становится невозможной. Чтобы подобной ситуации не возникало, в энергосистеме необходим специальный субъект, осуществляющий диспетчеризацию, – это и есть системный оператор.

«Системный оператор ЕЭС» – акционерное общество со стопроцентным государственным участием, функционирующее в режиме естественной монополии. Наш доход формируется за счет оказываемых услуг по диспетчеризации, стоимость которой определяется тарифом. Критерии субъектов (крупные генерирующие компании, покупатели оптового рынка), которые обязаны оплачивать наши услуги, также определяются нормативными актами. Поэтому задача продажи собственных услуг перед нами не стоит. Во всем остальном мы –

обычное хозяйственное общество со своими внутренними потребностями строить, закупать услуги, проводить клининг, приобретать канцелярские товары, оформлять подписку на журналы и т. д.

- Какова общая структура юридической функции сейчас?

- Правовой блок, возглавляемый директором по правовым вопросам, состоит из департамента правового обеспечения, который я возглавляю, и департамента нормативно-правового обеспечения, в чьи задачи входит нормотворческая деятельность, работа с Минэнерго, органами власти и пр. Департамент правового обеспечения насчитывает 30 человек, нормотворческий департамент – 5.

В силу своей специфики мы присутствуем на территории Российской Федерации везде, где функционирует Единая энергетическая система. Фактически это вся страна, кроме некоторых уголков Севера и Дальнего Востока, где есть технологически изолированные территориальные энергетические системы и свои субъекты, выполняющие функцию диспетчеризации.

Организация выполнения юридической функции на местах зависит от уровня филиала. В крупных филиалах – Объединенных диспетчерских управлениях (всего в стране их семь), существуют отделы правового обеспечения из двух – трех юристов. В филиалах второго уровня — Региональных диспетчерских управлениях (49 филиалов), как правило, есть работник, выполняющий юридическую функцию, но при этом он может совмещать ее, например, с кадровым администрированием или другими функциями. Контроль и организация судебной работы при этом осуществляются исполнительным аппаратом и возглавляемым мною департаментом.

- Всегда ли судебная работа была сосредоточена в департаменте правового обеспечения?

- Я в компании с 2008 г. До моего прихода работа в течение долгого времени была построена следующим образом: юристы-технологи – в одном департаменте, юристы-судебники и общехозяйственники – в другом и, как правило, функционально они не

пересекались. Однако в 2009 г. в связи с изменением профильного законодательства поменялся круг лиц, обязанных оплачивать наши услуги. Необходимость инициировать иски о понуждении к заключению договоров послужила импульсом для сближения юристов-технологов с юристами-судебниками. Для юристов-судебников эти дела были новыми и достаточно сложными в силу специального регулирования. Наш договор – это объемный документ, содержащий непонятные для юристов слова про технологическое взаимодействие, релейную защиту и автоматику, автоматические регуляторы возбуждения и т.п. Обычные судебники не были готовы к такому, а нанимать кого-то со стороны тоже не было смысла – на рынке консультантов нет необходимых компетенций. Поэтому большую часть судов вначале я вел сам, ездил в разные части страны, выступал, готовил документы, собирал необходимые сведения внутри компании. В те годы, по сути, с нуля мы сформировали практику по понуждению к заключению договоров по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике. Самым сложным было объяснить суду, чем мы занимаемся, и почему наши контрагенты обязаны заключать с нами договоры и платить немалые деньги. Многие генерирующие компании считали, что системный оператор им не нужен, а если и соглашались с тем, что обязаны заключить с нами договор, то требовали уменьшить цену. По одному из дел мы дошли даже до Президиума ВАС РФ. Это дело стало практикоформирующим по ст. 445 ГК РФ: суд установил, что изменение поведения ответчика в период предъявления иска о понуждении не влечет за собой отказа в иске и не должно сказываться на истце.

За счет участия в широком круге подобных дел у отдела претензионно-исковой работы постепенно появились новые компетенции. Сейчас юристы-судебники и юристы, сопровождающие технологическую деятельность, объединены в рамках одного департамента. И хотя у нас сохраняется специализация за отделами, многие задачи мы решаем совместно, а значит, появляются юристы-универсалы, способные принять на себя решение широкого круга вопросов. Сейчас в отделе претензионно-исковой работы трудятся пять человек. Часть судов с серьезной технологической составляющей ведет или курирует отдел правового сопровождения технологической деятельности (4 человека). Работой отделов управляют их руководители, а я, как начальник департамента, ее курирую.

- Какая у вас судебная нагрузка в год, и какие это дела?

- Под судебной работой мы понимаем работу с делами всех категорий, включая обжалование наших закупок в ФАС, которых становится все больше. В 2020 г. у нас было 114 судебных дел, в общей сложности мы приняли участие в 398 судебных заседаниях.

- Юристы-судебники занимаются только судебной работой, или у них есть какая-то еще нагрузка?

- Кроме непосредственно судебной работы к сфере правовой защиты отнесены ответы за запросы государственных органов, если они содержат юридически значимую позицию компании. Такие ответы также согласуются с юристами. Кроме того, значительную часть времени занимает оценка судебных рисков тех или иных решений внутри компании. Формально у нас нет отдельно регламентированной функции правового комплаенса, но содержательно она присутствует, поэтому решения, которые могут вызвать спор, принимаются с участием судебныхников. Это такая предпретензионная работа. Если заниматься ею вдумчиво, то до суда может и не дойти. К тому же, как и во многих других компаниях, судебники могут вносить изменения в деловые процессы. Например, в 2016 г. мы предприняли ряд мер, направленных на уменьшение дебиторской задолженности, в частности переструктурировали свою работу в отношении крупных должников, ради оборачиваемости дебиторской задолженности поступились процессуальной экономией — стали подавать иски спустя два, а не три месяца после просрочки; подготовили типовой

текст претензии о просрочке платежа для финансовых служб.

- В какой момент юристы подключаются к работе с дебиторкой?

- Только при необходимости передать дело в суд. К этому моменту у нас уже готов весь пакет документов, собранный финансистами в рамках типизированной претензионной работы. Их задача – отследить накопившуюся задолженность и попытаться решить возникшую проблему посредством переговоров. Сроки передачи дел от финансистам к юристам определены регламентом по работе с дебиторской задолженностью: претензию финансисты направляют спустя 15 дней просрочки; иск подают юристы через 60 дней или 90 дней просрочки в зависимости от ее размера (чем она крупнее, тем раньше к работе подключается юридический департамент). Если для предъявления иска не будет хватать документов в рамках типизированной работы, например, претензии по неустойке, мы рассчитаем и подготовим ее сами, без участия финансистов.

- Какие программные продукты вы используете для автоматизации претензионно-исковой работы?

– Около семи лет назад меня перестала устраивать табличка в Excel, и мы начали поиск программного обеспечения, которое позволило бы вложить в карточку дела все необходимые документы, обеспечить к ним доступ всем заинтересованным юристам и создать единую базу по судебным и административным спорам, которая синхронизировалась бы с календарем. С учетом небольшой судебной нагрузки мы остановили свой выбор на одной достаточно скромной российской программе «Control System», которая выглядит не так красиво, как продукты от именитых игроков, но зато решает все наши задачи в рамках сравнительно небольшого бюджета. Программа установлена на общем сервере, так что мы можем подключаться к ней из любой точки. Удобно, что в карточке дела юристы могут оставлять короткие пояснения; как прошло заседание, как вели себя оппоненты и прошел суд. Я противник больших формальных отчетов, но сохранение подобной информации иногда является крайне важным. Также у нас есть Casebook, Caselook в количестве лицензий, достаточном для наших целей.

– Лежит ли часть судебной нагрузки на юристах, работающих в филиалах?

– Да, лежит. В соответствии с Положением об организации правовой защиты исками, связанными с простыми денежными спорами на сумму до 100 тыс. рублей, филиалы занимаются сами, это их компетенция. Кроме того, в их обязанности входит проработка правовой позиции и подготовка необходимых документов, по всем спорам, связанным с деятельностью филиала. Но при этом правовая позиция подлежит согласованию с исполнительным аппаратом.

– Есть ли какой-то минимальный порог иска, ниже которого вы никогда не будете судиться?

– Мы всегда обращаем внимание на разумность и целесообразность судебного разбирательства, соотнося риск действия с риском бездействия и понимая, для чего это делается. Если сумма незначительная, можем не судиться. Но, например, по административным штрафам, если видим, что административный орган не прав, идем до конца. Такой подход работает и в отношениях с антимонопольным органом при оспаривании решений по нашим закупкам и приносит свои плоды. В конечном счете,

критерием правильности подхода остается судебная практика. А если не довести дело до суда, практика по некоторым категориям споров может никогда и не сформироваться.

– Кто распределяет дела между юристами-судебниками и из каких критериев исходит при этом?

– Изначально дела между отделами распределяю я. При этом коллеги всегда могут скорректировать мой выбор, например, если спор требует глубокой технологической специализации, предложить передать дело в отдел с соответствующими компетенциями, и наоборот. Внутри отделов руководители распределяют дела между юристами исходя из их нагрузки и специализации. Например, у нас есть специалист в области трудового права, который занимается соответствующими спорами. Есть человек, который больше специализируется на административных делах, но не антимонопольных, а связанных с проверками госорганов, с обжалованием их решений в судах общей юрисдикции и т.д.

– Как вы чаще всего ведете суды? Если это суперсложное, практикообразующее дело, то как строится работа по нему?

– В суперсложных делах я участвую лично. Например, пару лет назад у нас было достаточно громкое дело – разбирательство по поводу аварии на Березовской ГРЭС с участием «Юнипро» и заводов «Русал». В части поставки мощности после аварии было выделено специальное большое дело, которое вел центральный аппарат ФАС. Впервые были предъявлены претензии по поводу злоупотребления доминирующим положением системный оператором. Это нетипичный случай сопровождения судебного процесса. Над позицией трудились совместно с коллегами из других подразделений, к этому подключались все вплоть до первых лиц компании. Прорабатывался каждый аргумент, составлялись подробные справки, обсуждались доводы оппонентов и пропонентов, риски различных вариантов исхода дела. В итоге мы добились приемлемого для нас результата – нам удалось убедить ФАС в правильности наших действий и претензии были сняты путем заключения мирового соглашения в суде.

– Привлекали ли вы внешних юридических консультантов к данному делу?

И вообще, часто ли вы привлекаете внешних юридических консультантов?

– В описываемом случае внешние консультанты были у «Юнипро» и мы вырабатывали свои процессуальные стратегии во взаимодействии с ними, так как ситуативно оказались на одной стороне. Вообще привлечение внешних консультантов для нас скорее исключение. У компании своя сильная юридическая служба. Кроме того, привлечение внешних юристов осложнено нашей закупочной системой. Однажды мы работали с коллегами из консалтинга во время оспаривания акта налогового органа, когда требовались налоговая экспертиза и работающие в этой сфере люди. В двух или трех случаях мы привлекали специалистов по антимонопольным спорам.

– Устраиваете ли вы брейнстормы по судебным делам?

– Устраиваем, когда есть важные сутевые вещи, так называемые «развилки» в позиции по нетипичным делам. Обсуждаем, как представить ту или иную позицию, какими документами ее подтвердить, сходить или не сходить в суд, моделируем реакцию на возможные действия оппонентов. Для человека, который пойдет в суд, это очень хорошая поддержка.

– Есть ли у судебных юристов официальные или неофициальные KPI?

– Есть только официальные KPI, и по судебной работе такой показатель есть только у меня, он связан с дебиторской задолженностью и называется «влияние уровня дебиторской задолженности по основной деятельности на платежеспособность компании». По сути, дебиторская задолженность не должна выходить за определенные параметры процента кредиторской задолженности. Пока таких прецедентов не было.

– С учетом того, что у вас специфическая сфера деятельности, лежит ли на судебных юристах задача по отслеживанию судебной практики и ее обобщению? Проводите ли вы какие-то обучающие мероприятия для других подразделений?

– Из-за небольшой численности судебного отдела мы делаем это ad hoc по возникающим спорам. Обычно об основных моментах, на которые необходимо обратить внимание в части судебных рисков, мы рассказываем на ежегодном общем совещании юристов компании. Кроме того, до пандемии мы силами сотрудников другого отдела проводили правовой мониторинг, обобщали изменения в отраслевом законодательстве, делились полученной информацией со всеми юристами компании: как в центральном аппарате, так и в филиалах.

– Собираетесь ли вы что-то менять в устройстве судебной функции?

– Сейчас мы движемся в сторону реформирования функции внизу – в филиалах. В рамках пилотного проекта рассматриваем возможность передать функции юристов из Региональных диспетчерских управлений на один уровень выше – в Объединенные диспетчерские управления. Ранее мы всегда исходили из того, что нам нужен человек на территории, который в случае чего сможет пойти в суд, иные государственные органы, познакомиться с документами, донести нашу позицию. Теперь будем оценивать, насколько эффективно можно это осуществлять из удаленного административного центра.

Владимир Прохоренко заместитель директора по правовым вопросам - начальник
департамента правового обеспечения «Системного оператора
Единой энергетической системы»

ИНТЕРВЬЮ

ПРЕТЕНЗИОННО-ИСКОВАЯ РАБОТА